

Тема номера – свет и цвет. Эти два слова отличаются только одной буквой, а по звучанию их зачастую совсем не удается отличить друг от друга.

Свет и тень, светотень – признанный инструмент объемно-пространственного языка архитектуры. Свет выявляет форму и архитектонику. Великий строитель фараон Рамзес II прожил девяносто лет, из которых царствовал шестьдесят семь, и главным достижением своим считал световой колодец, создающий величественный эффект сияющего трона. Южное солнце Греции и Италии породило классический ордер, а съедающий тени свет белых ночей Петербурга превращает его в нарисованные декорации. Свидетели утверждают, что неземной свет полного солнечного затмения сплющивает фасады до полной графичности. Такова сила света.

В 1973 году В.Г. Макаревич и Н.Н. Гусев оптимистически предсказывали: «...разработка генеральных схем световой архитектуры городов и их реализация позволят в ближайшие годы создать новую область градостроительства – световую архитектуру». Пока о генеральных схемах световой архитектуры речи нет, как-то не до этого даже в энергетически благополучных регионах. Можно говорить о световой архитектуре лишь как о точечном явлении в ночной панораме сибирских городов. Здание «Иркутскэнерго» сияет подсветкой, а рядом стоящий объект истории и культуры старый костел, ныне органнй зал, греется в его лучах.

Цвету повезло еще меньше. Конструктивисты призывали лепить форму средствами цвета. Но призывы остались нереализованными. В XX веке цвет окончательно отошел на второй план. Разумеется, цвет не совсем чужд современным архитекторам. Кто-то мечтает построить абсолютно черный дом, вечно одетая в черное Одиль Декк предпочитает рисовать красные здания. Часто цвет становится народным названием: Белый дом в Вашингтоне и Москве, Синий дом и Зеленая школа в Иркутске. Однако роль цвета в серых сибирских и северных городах явно недооценена. Только некоторые из них – Анадырь, Якутск – приближаются к уровню цветовой насыщенности Европы, Америки и даже Северной Африки. Возможно, потому, что тяготы северной приполярной ночи в серой городской среде были бы совсем уж невыносимы.

Свет и цвет, цветной свет, светящийся цвет еще только начинают свое движение к полной реализации в архитектуре.

Елена Григорьева

The topic of the issue is color and light. In Russian these two words (svet and tsvet) differ just in one letter, and very often there is no distinction between them in pronunciation.

Light and shade, chiaroscuro – it is an accepted device of the volume and space architectural language. The form and architectonics are revealed by light. A great builder Pharaoh Ramses II, who died at the age of ninety, having reigned for sixty-seven years, considered a light well making his throne shine majestically to be his main achievement. The south sun in Greece and Italy gave birth to a classic order, and the light of midnight sun demolishing shadows in Petersburg turns it into painted scenery. The witnesses state that an ethereal light of full solar eclipse flattens facades to absolute graphics. Such is the power of light.

In 1973 V.G.Makarevich and N.N.Gusev made optimistic predictions: “... elaboration of master plans of urban light architecture and their realization allows a near-term creation of a new area of city planning – a light architecture”. For the time being master plans of light architecture are out of the question, even in energy-sufficient areas. One may refer to light architecture as a pinpoint appearance in a night panorama of Siberian cities. The Irkutskenergo building shines with illumination; and the nearby old Polish Church, a historical and cultural monument holding now an organ hall, basks in its glow.

Color is even less lucky. Constructivists urged to make a form by means of color. But their appeals remained unrealized. In the XXth century color finally paled into insignificance. Certainly, color is not completely alien to contemporary architects. Someone dreams of building an absolutely black house. Always dressed in black, Odile Decq prefers drawing red buildings. Color often becomes a part of a popular name: the White House in Washington and Moscow, the Blue House and the Green School in Irkutsk. However, the color’s role in grey towns of Siberia and the North is obviously undervalued. Only few of them – Anadyr, Yakutsk – approach the level of color saturation as in Europe, America and even North Africa. Probably, otherwise the distressing polar nights in the grey urban environment would be unbearable.

Light and color, colored light, lightful color are only on the threshold of their perfect realization in architecture.

Elena Grigorieva